

Александра
ВЕТРОВА

ТВОЙ ВЫБОР, ДЕТКА

Александра ВЕТРОВА

ТВОЙ ВЫБОР, *Детка* ♥

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Александра Ветрова
Твой выбор, детка

«Автор»

2026

Ветрова А.

Твой выбор, детка / А. Ветрова — «Автор», 2026

Я ушла от него три года назад, не сказав, что беременна. Теперь он — мой новый начальник, и он жаждет мести.

© Ветрова А., 2026

© Автор, 2026

Александра Ветрова

Твой выбор, детка

Пролог

Три года и семь месяцев назад

Он спал на левом боку, подложив ладонь под щеку. Во сне Саша выглядел почти мягким — без этой его вечной усмешки, без прищуренного взгляда, которым он смотрел на мир, как на плохо сыгранную пьесу. Я сидела на краю кровати и сжимала в пальцах малиновый лист бумаги, который нашла в кармане его куртки.

«Поздравляем, вы приняты на позицию старшего проектного менеджера в лондонском офисе». Две строчки. Офис. Лондон. На три года. И ни слова мне.

Он ведь собирался сказать? Или я была из тех вещей, которые не берут с собой в переезд — как прошлогодние джинсы или сломанный тостер?

В ванной я смотрела на тест. Две полоски. Такие чёткие, будто кто-то нарисовал их тонкой кистью. Я зажала рот ладонью и просидела на кафельном полу двадцать минут. Потом оделась. Собрала сумку — только документы, только необходимое. На прощание я поцеловала его в плечо — то самое, с родинкой в виде крошечной карты.

— Пока, Саша, — прошептала в темноту.

Он не проснулся.

Через три недели я сидела в дешёвой студии в Строгино, пахнувшей чужой стиркой, и разрывала банковские конверты. Я тогда ещё не знала, что эхо моего ухода догонит меня там, где я меньше всего жду. Что через три года, семь месяцев и двенадцать дней я войду в лифт бизнес-центра на Покровке, и двери откроются — в его глаза.

Но если бы я знала — всё равно ушла бы.

Потому что настоящая любовь не про то, чтобы оставаться там, где тебя не видят. Настоящая любовь — это когда выбирают каждый день. Заново.

А Саша меня не выбирал.

Глава 1. Женщина с чемоданом

Моё резюме пролежало в папке «Кандидаты» сорок семь дней. Я знала это точно, потому что каждый вечер заходила в личный кабинет и видела статус: «На рассмотрении». Три года без официальной работы (фриланс, подработки, ночные смены в копицентре) превратили меня в профессионального ожидальщика. Я умела ждать так, как не умеет никто. Я ждала, когда Мира заснёт, чтобы поработать. Я ждала, когда вернутся деньги за залог, чтобы купить молоко. Я ждала, когда боль в пояснице станет терпимой — моя единственная роскошь, на которую я себя подписала.

Поэтому когда пришло письмо из «Кортекс Инжиниринг» с пометкой «Приглашение на собеседование», я прочитала его семь раз. Имени генерального директора в письме не было. Только подпись отдела персонала и адрес бизнес-центра.

Никогда не подписывайте оффер, не прочитав мелкий шрифт. И никогда не соглашайтесь на собеседование, не загуглив имя того, с кем будете разговаривать.

Я пренебрегла обоими правилами.

— Мам, ты красивая, — сказала Мира, стоя на табурете перед зеркалом в общей ванной нашей двушки. Ей четыре года и одиннадцать месяцев. Тёмные волосы, как у него, вились на концах непослушными кольцами. И та же ямочка на подбородке, когда она обижалась.

— Спасибо, котёнок. — Я поправила бант, который тут же съехал набок. — Ты сегодня ночуешь у бабушки, помнишь? Я заберу тебя завтра утром.

— А где твоя новая работа?

— В большом доме.

— А начальник добрый?

Я запнулась. Добрый начальник. Мысль показалась почти смешной. На моей прошлой работе (если можно так назвать должность оператора колл-центра) начальник называл сотрудников «девчата» и мог внезапно хлопнуть по плечу, комментируя: «Да ты поправилась, боец». Я ушла оттуда, когда он сказал, что декрет — это «не уважение к команде».

— Думаю, он будет вежливым, — ответила я осторожно. — А вежливость — это тот же доброта, только в деловом костюме.

Мира склонила голову, обдумывая этот сложный тезис. Потом кивнула, удовлетворённая.

Бабушка, моя мать, ждала внизу с пакетом печенья и невысказанным упреком в глазах. Она не одобряла, что я выхожу на работу полный день. Кто будет забирать Миру из сада? Кто поведёт её на логопеда? А вечером? А если заболеет?

Я оставила ей список — на трёх страницах. Всё, что она должна знать. Какие лекарства, какой режим, какая сказка на ночь («Репку» нельзя — боится, когда дедка плачет).

— Ты уверена? — спросила мать, глядя на мою чёрную юбку-карандаш и шелковую блузу цвета старого шампанского. — Выглядит дорого. Это новые?

— Нет, мам. Это с прошлой жизни.

Она не стала спрашивать. Она вообще перестала спрашивать про прошлую жизнь в тот день, когда я приехала к ней с одним чемоданом, нулём на счетах и положительным тестом на беременность. Мы пили чай с бергамотом, и она молча смотрела на моё лицо, а потом сказала только: «Дверь открыта, ложись на диван». Мы никогда не были нежны друг с другом. Но она не выгнала. И за это я молча кланялась ей каждый день, даже в те, когда она говорила, что я «растеряла всё, что у меня было, из-за гордости».

Я не стала спорить. Не с матерью. И не с собой.

Потому что то, что у меня было с Сашей Романовым, никакой гордостью не пахло. Это пахло удушьем. Это пахло так, будто ты стоишь на балконе и смотришь на город, а он смотрит на телефон, даже не заметив, что ты ушла.

В метро я поправила макияж в маленьком зеркальце. Тени — нейтральные, помада — чуть темнее губ. Лицо женщины, которая хочет, чтобы её воспринимали серьёзно. Никаких стрелок. Никакого намёка на кокетство.

Я ехала на Покровку, сжимая в руках папку с копиями дипломов, сертификатов и благодарственных писем с прошлого места — того, где меня ценили. До Саши. До того, как я стала чьей-то невидимой тенью.

Бизнес-центр «Покровский» встретил меня кондиционированным воздухом, пахнущим деньгами, и охранником в строгой форме, который спросил паспорт, даже не глядя на меня. На ресепшене меня подняли на восьмой этаж, где пахло кофе «Лавацца» и типографской краской.

— Вы к Романову? — спросила секретарша с идеальным маникюром цвета «увядшая роза». Она скользнула по мне взглядом — от лёгких туфель до волос, уложенных в низкий пучок. — В кабинет четырнадцать. Вас проводить?

— Нет, спасибо.

В кабинет четырнадцать. Романов. Фамилия ударила мне в затылок за секунду до того, как я увидела табличку.

Матовое стекло. Чёрные буквы. «Генеральный директор — Александр Романов».

Нет.

Нет-нет-нет.

Мои ноги приросли к полу. Я смотрела на эту табличку, и мир вокруг рассыпался на отдельные звуки: щелчок кулера, женский смех из кабинета напротив, шум лифта, который только что привёз меня сюда — в самое сердце моей прошлой жизни.

Рука тряслась. Папка выскользнула, копии дипломов веером разлетелись по полу.

— Вам помочь? — спросила секретарша, уже с лёгкой брезгливостью.

— Нет, — сказала я слишком громко. — Всё в порядке.

Я собрала документы. Встала. Поправила блузу. Глубокий вдох. Ещё один.

И постучала в дверь.

— Войдите, — сказал голос из-за двери.

Голос, который я слышала во сне три года, семь месяцев и двенадцать ночей. Голос, который однажды сказал мне: «Ты слишком много думаешь, детка. Просто будь».

Я вошла.

Он сидел за столом, откинувшись в кресле. Чёрный пиджак, белая рубашка, расстёгнутая на верхнюю пуговицу. Он почти не изменился — только чуть жёстче стали скулы, чуть тяжелее взгляд. Три года. Чёрт возьми, три года — и вот он смотрит на меня. Знает. Ждёт.

Его губы дрогнули. Не улыбка. Нет. То, что хуже.

— Здравствуй, Лиза, — сказал Саша Романов, и его голос был мёдом и сталью одновременно. — А я думал, ты никогда не вернёшься.

— Здравствуйте, Александр Сергеевич, — ответила я, сделав ударение на отчестве. Чтобы между нами была стена. Есть. Бетонная, трёхметровая, с колючей проволокой. — Я пришла на собеседование.

Он медленно встал. Обогнул стол. Он был высоким — всегда был выше, чем я помнила. И пахло от него так же: кедром, табаком и чем-то злым, что он называл «мой характер, детка».

— На собеседование, — повторил он, остановившись в метре от меня. — Серьёзное заявление. Ты пришла ко мне на собеседование. После того как сбежала посреди ночи, не оставив даже записки.

— У нас трудовые отношения. — Голос не дрогнул. Я тренировалась три года. — Я квалифицированный специалист. Моё резюме вы видели. Моя трудовая книжка чиста. Я готова к работе.

Он наклонил голову, рассматривая меня. Медленно, будто раздевая взглядом — но нет. Хуже. Будто проверял на прочность.

— Три года, Лиза. — В его голосе появилась хрипотца. — Ты ушла. Ни слова. Ни объяснений. Я искал тебя. Ты знаешь, что я искал?

Я не знала. Я сменила номер, уехала из Москвы в область, потом вернулась, но уже на другой адрес. Я сделала всё, чтобы он меня не нашёл. Потому что если бы он нашёл — я бы не устояла. А если бы я не устояла — что стало бы с Мирой?

— Это не относится к работе, — сказала я.

— Всё, что касается тебя, относится ко мне, — ответил он так тихо, что я почти не расслышала.

Он сделал ещё шаг. Теперь между нами было полметра. Я чувствовала тепло его тела. Я помнила его запах. Я помнила, как он касался моего лица на рассвете, думая, что я сплю. Я помнила всё — до последней секунды, до последнего «пока», сказанного в пустоту.

— Почему ты ушла? — спросил он, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на боль.

— Это не имеет значения, — сказала я. — Сейчас важно только одно: могу ли я получить эту должность или нет? Я хочу работать. Я хорошо работаю. Остальное — личное.

Саша усмехнулся. Знакомо. Страшно знакомо. Так он усмехался перед тем, как сказать что-то, что оставляло синяки на душе.

— Личное, — повторил он. — Хорошо. Тогда слушай личное, Лиза. Ты получишь эту должность. Даже не сомневайся. Но не потому, что ты «квалифицированный специалист». — Он выделил эти слова с издевательской торжественностью. — А потому что теперь ты работаешь на меня. И я хочу наблюдать за тобой каждый день. Смотреть, как ты ходишь по моему офису. Как пьёшь кофе из моей кофемашины. Как врёшь коллегам, что у тебя всё прекрасно.

Он подошёл совсем близко. Наклонился к моему уху. Я почувствовала его дыхание — горячее, неровное.

— Ты не уйдёшь в этот раз, Лиза. Не сбежишь. Я сделаю так, чтобы ты сама не захотела уходить. И тогда... — Он замолчал. Потом отстранился и посмотрел мне прямо в глаза. — Тогда ты расскажешь мне правду. Всю. До последней буквы.

Руки дрожали. Но я не опустила взгляд.

— Ваши условия, Александр Сергеевич? — спросила я с ледяной вежливостью.

— Условие одно, — сказал он, возвращаясь за стол и открывая ноутбук. — Твой выбор, детка. Работать на меня — или уйти навсегда. Третьего не дано.

Я смотрела на его руки — длинные пальцы, тонкая кожа, никакого кольца. Он не был женат. Или был, но снял. Я ничего о нём не знала теперь. Только то, что он жаждет мести. Только то, что правда раздавит его — или раздавит меня.

— Я принимаю предложение, — сказала я.

Саша поднял глаза. Улыбнулся. Настоящей улыбкой — той, от которой у меня когда-то подкашивались колени.

— Добро пожаловать в «Кортекс», Лиза. — Он протянул руку. Я её пожала, чувствуя, как его пальцы сжимают мои чуть дольше, чем нужно. — Ты пожалеешь об этом. Я гарантирую.

— Уже жалею, — ответила я честно.

Но ничего не изменила бы.

Глава 2. Правила игры

В моём новом кабинете пахло лаком для мебели и свежепоставленным фикусом. Окно выходило во внутренний двор, где дворники методично сгребали прошлогоднюю листву. Стол — огромный, из светлого дерева. Компьютер — последняя модель. Кресло — ортопедическое, с регулировкой под позвоночник.

Это была ловушка. Самая красивая ловушка в моей жизни.

— Устраивайтесь, — сказала Надежда Петровна, пожилая сотрудница отдела кадров, вручая мне стопку документов. — Завтра в девять утра планёрка у генерального. Опоздания не приветствуются.

Она окинула меня взглядом, в котором читалось: «Ты уже пятая на этой должности за два года. Что с тобой будет — одна Вселенная знает».

— А почему предыдущие ушли? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал просто любопытно.

Надежда Петровна поджала губы.

— Не сошлись характерами с руководством, — сказала она и вышла, аккуратно притворив дверь.

«Не сошлись характерами». Эвфемизм, за которым могли стоять слёзы, скандалы, увольнения по статье или добровольные уходы с выплатой компенсации. В мире Саши Романова «не сойтись характерами» означало примерно то же, что «не угодить королю».

Я разложила документы. Трудовой договор — двадцать пять страниц, написанных мелким шрифтом. Клаузула о неразглашении, пункт о конфиденциальности, пункт о материальной ответственности. И один пункт, который заставил меня замереть.

«Работник обязуется по первому требованию работодателя участвовать в корпоративных мероприятиях вне рабочего времени».

Формулировка как формулировка. Такое бывает в крупных компаниях. Но в контексте Саши это звучало как угроза.

Я достала ручку. Подписала. Потому что у меня не было выбора. Аренда квартиры — шестьдесят тысяч. Садик — двадцать. Логопед — восемь. Продукты, лекарства, проездной, мамины таблетки от давления. Счётчик бежал в голове непрерывно, как метроном, отсчитывающий мои долги перед реальностью.

Если бы я тогда, три года назад, была умнее — сохранила бы хоть что-то. Но я уходила, не взяв ничего, кроме гордости. А гордость, как известно, не продаётся на «Авито».

Вечером, когда я вернулась в пустую квартиру (Мира у матери), я села на пол в коридоре и разревелась впервые за долгое время. Слёзы были солёными и какими-то взрослыми — без надрыва, тихо, будто внутри открылся кран, который я держала закрытым три года.

Я плакала по Саше. По тому, каким он был — невыносимым, эгоистичным, невнимательным. Но иногда — иногда он смотрел на меня так, будто я была единственным человеком на земле. И в эти моменты я верила, что он меня видит.

Теперь он видел. Но в его взгляде читалась только жажда возмездия.

Зачем ты искал меня, Саша? Чтобы наказать за то, что я осмелилась уйти?

Или чтобы понять, почему ты меня не остановил?

Я вытерла лицо. Пошла в душ. Включила воду погорячее и стояла под струёй, пока кожа не покраснела. На кафельной полочке стояла моя единственная роскошь — гель для душа с запахом кедра и табака. Такой же, каким он пользовался.

Я не покупала его специально. Просто однажды в супермаркете моя рука сама потянулась к флакону, и с тех пор я мылась только им.

Патология. Самая дешёвая форма любви, которая не умеет отпускать.

Телефон завибрировал. Незнакомый номер.

«Утром не опаздывать. Первая планёрка в 9.00. Форма одежды — строгая, но улыбка приветствуется. Романов».

Я прочитала сообщение три раза. Не ответила. Выключила свет и легла на диван (кровать уступила Мире, когда та перестала спать в кровати; теперь дочка спит в моей спальне, а я — здесь).

Глаза закрылись не сразу. Перед ними стояло его лицо: жёсткое, красивое, чужое. И вопрос, который он не задал вслух, но который висел в воздухе между нами с той самой минуты, как я переступила порог.

«У тебя есть кто-то?»

Нет, Саша. Нет никого. Кроме девочки, которая похожа на тебя как две капли воды. Кроме тайны, которую я унесу с собой в могилу, если ты не вырвешь её силой.

А ты вырвешь. Я знаю тебя. Ты не успокоишься, пока не разберёшь меня на части.

Пожалуйста, только не сломай меня окончательно. Ради неё.

Глава 3. Планёрка

В 8:47 я была в офисе. Чёрные брюки, белый верх, пиджак — всё без единой складки. Волосы собраны в пучок на затылке — так, чтобы ни один локон не выбивался. Лицо — нейтральное, без макияжа, кроме тонального крема и туши. Я выглядела как функциональный предмет мебели: удобно, незаметно, профессионально.

Коллеги собирались в переговорной. Девять человек — руководители отделов. Я — единственная женщина, если не считать секретаршу, которая будет подавать кофе. Марина (из маркетинга) бросила на меня быстрый взгляд — изучающий, оценивающий. Она была красива в своей рыжей чёлке и дорогом свитере. И она смотрела на меня так, будто я была конкуренткой, а не просто новенькой.

— Лиза, да? — спросила она, протягивая руку. — Марина. Я слышала, ты пришла на место Юли. Тяжело будет, тебе сочувствую.

— Почему тяжело?

— Саша — тот ещё капризный мальчик. Прости, Александр Сергеевич. Он меняет помощников как перчатки. Дольше всех продержалась Анжелика — восемь месяцев. Но и та ушла с нервным тиком.

— Понятно.

Марина наклонилась ближе, пахнув чем-то цветочным и дорогим.

— А ещё говорят, вы раньше были знакомы. Это правда?

Я похолодела.

— Кто говорит?

— Офисные сплетни. Света из приёмной видела, как ты выходила от него после собеседования. У тебя было заплаканное лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.